

КАК РОССИЮ СПАСИ? ПОЙДИ ОТВЕТЬ...

В своей новой книге Александр Солженицын

больше сочувствует и свидетельствует, нежели поучает и выдает рецепты

Независимая газета. - 1998. - 11 июня. - с. 9

Олег Мраморнов

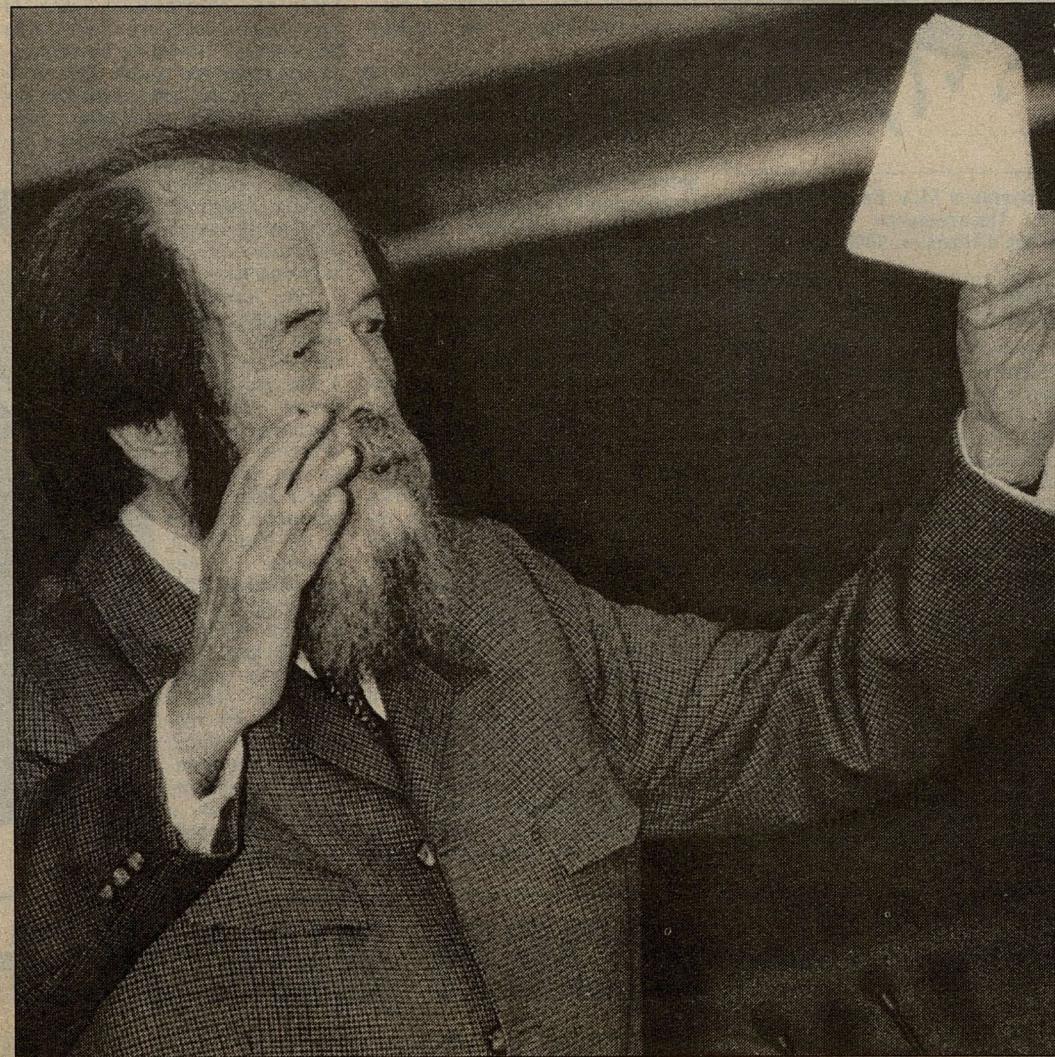

Александр Солженицын. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998, 208 с.

БЫЛО — «из-под глыб», стало — «из-под развалин». «Нам всем думать надо лишь, как выбраться из-под развалин». Глыбы массивны, тяжелы, давят; развалины хаотичны, бесодержательны, как дурная бесконечность. Все ценное не создается без костяка и упора, ему нужен строительный остов. Глыбу можно отвалить, из глыбы можно вытесать хотя бы каменную бабу. Из-под развалов выбираются реже, на руинах вырастает трава забвения. В самом деле, «скрытая скрученная действительность, в объяснения к ней — риторны да приторны». Отсюда задача: дать объяснение не риторическое, не приторное, а существенное, если до конца и не отвечающее на растерянность и боль многочисленных вопросателей, то хотя бы учитывающее ловушки времени.

Книга — в жанре прямого высказывания о наболевшем общественно-политическом — итоговом. «При всей уже 12-летней затяжности нового глубокого государственного и всежизненного кризиса России, выпуская в свет нынешнюю работу — и последнюю мою на все эти темы, — я не надеюсь, что и мои соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыта нашей жизни. Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России — запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем».

Свое высказывание Солженицын начинает с разрывов: короткая главка после вступительного

Александр Солженицын: «Наш Дух — еще жив! и — в стержне своем — еще чист!»
Фото Владимира Сварцевича (НГ-фото)

слов именуется «В разрывах российских пространств». Он проводит повествование через «Зону власти», через «Отмежеванных», через «Сплетенье наций», через «Непримиримость», наконец, через роковой вопрос патриотической публистики «Быть ли нам, русским?». В этих узлах переплетены более локальные темы и размыщения, последнее из которых называется «Строительное». Оно оставляет надежду «своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. Изменить — само поведение наше: усталие безразличие к своей судьбе». Надежда невелика, с единственным упором на Дух: «нет, наш Дух — еще жив! и — в стержне своем — еще чист!»

Заметно, что Солженицын дальше, чем в предыдущих работах, уходит от социально-полити-

ческих и от экономических схем и идеологем («единственная национальная идея — Сбережение Народа»). Оставаясь в русле либерально-консервативного синтеза («где страны, где слова «патриот» или «демократ» считаются бранью»), он сосредоточен здесь не на ценностях свободы, а на исследовании и ретрансляции традиции и внутри традиции наблюдая изъятия и зияния. Творческого развития национальной традиции он обнаруживает мало, а тупикowość реставраторских утопий для писателя ясна. «Мы — в предпоследней потере духовных традиций, корней и органичности нашего бытия».

Духовное своеобразие русской культуры создавалось греко-православным исповеданием. Солженицын неставил этого под сомнение, но бывал временами

строг к историческому православию, видимо, чувствуя его культурную бескрылость, о которой писал еще о. Сергий Булгаков. Он и в этой работе высказывает о костенении («церковные формы не могут костенеть вторую Тысячу лет, они сами просятся к развитию, к утончению в подвижной, бурной эпохе»), о грехе сервилизма и недостатке социальной активности в русской Церкви, но делает уступки, находит смягчающие факторы и настоятельно советует «держаться за духовный дар православия».

«Гай-чубайсовским реформам», провалам внутренней и внешней политики правящего режима, хозяйственному разору, тирании олигархического капитала, духовному помутнению нобелевский лауреат противопоставляет очевидные для него истины, которые

так или иначе уже зозвучивались им и известны тем, кто следит за ходом мысли писателя. «Демократия малых пространств», «государственно-земский строй», изменение банковской и финансовой политики, отказ от федеративных излишеств, решение межнациональных проблем внутри России с помощью упрочения не административных, а национально-культурных автономий и в духе безусловного равноправия большой и всех малых наций — вот тот минимум, с которого может начаться «сбережение народа».

Время лукаво, история хитрее нас (что, впрочем, помогает избавиться от излишней самоуверенности): «еще никто земной не умел предсказывать все неожиданные ходы Истории». Действительно, кто рискнет прописать нынешней России спасительное лекарство? Разве что совсем уж отчаянные головы вроде Жириновского и Новодворской. О «растерянной России» пишет Солженицын, и эта растерянность не может до некоторой степени не повлиять на пишущего. Страстное желание уйти от коммунизма, покончить с ним уступает место не вдруг различному, возможно, и скрываемому посткоммунистическому недоумению, утвердительность и императивность сменяются вопросительной, иногда усталой тональностью. «Как преодолеть нам все-гдаший наш порок — косность, вялость в общественной жизни?» От косности и вялости избавляли революции, но Солженицын их не любит.

Однако не так уж много требуется. И не предлагает детальных общирных планов социально-политического обустройства России — лишь небольшие фрагменты (еще раз процитирую из предварительных слов: «я не надеюсь, что и мои соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни»). Указующий перст поднимается редко, и интонации пастьря, пасущего свой народ, почти не звучат. «Мой дух, моя семья да мой труд... — а как иначе вытягивать», — вот сегодняшний незамысловатый совет Солженицыну выжившему и вымирающему народу.

Эффект книги не учительный, не дидактический, тем более не пророческий. Это и не эффект новости, неожиданности — высказывание Солженицына ожидаемо, предсказуемо. Эффект заключается в нелицемерном и сострадательном свидетельстве о последнем десятилетии нашей истории, свидетельстве, помноженном на значимую крупность авторской личности.